

В. В. МАВРОДИН

О ПЛЕМЕННЫХ КНЯЖЕНИЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В поисках истоков древнерусской государственности советские ученые все в большей мере обращаются к племенным княжениям восточных славян. При этом нельзя не согласиться со справедливым замечанием Б. А. Рыбакова, что «процесс первичного возникновения государственности из недр первобытнообщинного строя является процессом настолько медленным и постепенным, что рубеж двух формаций иногда бывает еле применен для глаза позднейшего историка».¹ В. И. Ленин подчеркивал, что попытки «определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм», нельзя назвать иначе, как бесплодным идеализмом.² Это положение В. И. Ленина о невозможности, более того, алогичности установления точной даты перехода от феодализма к капитализму можно отнести и ко времени смены первобытнообщинных отношений феодальными. Точно установить грань, где кончается эпоха военной демократии и начинается феодализм, когда союзы племен уступают свое место государству, когда обычное право сменяется законодательством, невозможно. И это отнюдь не результат слабой научной разработки проблемы, а естественное следствие марксистско-ленинского учения о динамике общественного развития в эпоху антагонистических формаций.

Поэтому требование установления в категорической форме времени утверждения феодализма у восточных славян, окончательного, бесповоротного решения вопроса о переходе от дофеодального периода к феодализму — переходе, ограниченном коротким и строго очерченным отрезком времени, вряд ли может

¹ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма в СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 831.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 46.

быть признано приемлемым.³ Исторический процесс динамичен, и фиксировать его необходимо не фото-, а киноаппаратом. Поэтому в поисках начала древнерусской государственности исследователи не могут ограничить себя традиционными датами «начала Руси», связывая его с Рюриком или Олегом, с тем временем, когда «нача ся прозывают Руска земля» или когда посланцы кагана народа рос появились в далеком Ингельгейме, а обращаются к еще более ранним сведениям о формах раннегосударственной жизни восточных славян. Конечно, при этом нельзя терять чувство меры и искать эти формы в политической жизни создателей черняховской культуры и даже скифов. Такого рода концепции обусловлены теорией гиперавтохтонности славян на территории, населенной в Восточной Европе славянами в летописные времена, теорией «перевоплощения» скифов в сарматов, сарматов в «черняховцев» и так далее вплоть до русских Киевских времен.

Так, например, С. В. Юшков строил следующую цепь логических заключений: 1) у скифов существовало примитивное дофеодалное (но отнюдь не рабовладельческое государство) так называемое варварское государство; 2) предки восточных славян находились в комплексе народов, которых называли скифами, следовательно, 3) славяне являются потомками скифов; 4) анты жили там, где когда-то обитали скифы, 5) а раз уже у скифов было государство, то оно должно было существовать и у их прямых потомков — антов, ибо в противном случае придется признать, что население Восточной Европы от скифов к славянам шло по пути не прогресса, а регресса.⁴ Крайним проявлением «теории» прямой преемственной этнической и политической связи между скифами и славянами является утверждение А. Югова, что раз Ахиллес был тавроскифом, а византийцы называли тавроскифами русских, то, следовательно, Ахиллес — русский, начало русской военной истории восходит к Троянской войне, а государственности — к скифскому государству, так как скифский царь Палак был «крымским славянином».⁵

Точно так же ничем не обоснованы поиски истоков русской государственности в политической жизни создателей и носителей черняховской культуры, якобы стоявших в «преддверии государства» и являвшихся славянами.⁶

³ Вопросы истории, 1946, № 8—9, стр. 112; Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода (от редакции). Вопросы истории, 1949, № 11.

⁴ С. В. Юшков. 1) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1947, стр. 37—39; 2) Киевское государство. Преподавание истории в школе, 1946, № 6, стр. 21—22; 3) Рец.: Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. Вопросы истории, 1946, № 1, стр. 140—143.

⁵ А. Югов. Родина Ахиллеса. Крым, 1949, № 2.

⁶ М. Ю. Брайтчевский. Біля джерел слав'янської державності. Киев, 1964; см. рецензию В. М. Петрова: Укр. істор. журнал, 1965, № 3.

Проблема зарубинецкой и черняховской культур породила обширную литературу, различные, нередко диаметрально противоположные точки зрения, вызвала оживленные дискуссии, но касаться ее мы не будем, хотя нашу точку зрения нетрудно установить, памятуя только что сказанное.

Вместе с тем мы не можем ограничиться летописными рассказами о начале Руси, связав его только с событиями второй половины IX в. Та же летопись дает в руки исследователя материал, свидетельствующий о восходящих к гораздо более ранним временам истоках русской государственности. Быть может, их следует искать во времена антов, когда антский рикс Идар, видимо, стремился превратить свою власть в наследственную и передать ее сыновьям Межамиру и Келагасту, или еще раньше, когда антский вождь Бож с сыновьями возглавлял племенной союз антов, руководимый десятками старейшин. Памятью об этих периодах являются и известия летописи о Кие, ходившем «ко царю» и после неудачных попыток обосноваться на Дунае вернувшимся «в свой град Киев».

Летописный рассказ о Кие является записью тех племенных сказаний времен «веков Трояна», в которых сохраняется несомненное зерно исторической реальности.⁷

Ни Бож, ни Идар, ни Кий не возглавляли государств, но они возглавляли племенные объединения восточных славян, которые в процессе исторического развития создавали условия для возникновения государства.

Непосредственными предшественниками Древнерусского государства были племенные княжения восточных славян. При этом, конечно, мы знаем, что «племена» Повести временных лет отнюдь не были племенами в том смысле слова, которое вкладывают в него современные история, этнография, археология. Они являлись сложными образованиями типа племенных союзов, территориальных и политических образований. На территории, занятой, по Повести временных лет, одним племенем, археологи прослеживают несколько групп, отличающихся по материальной культуре, типу украшений, погребальному обряду и т. п.⁸ Так, например, судя по особенностям археологической культуры населения территории, отводимой Повестью временных лет одному племени, в земле северян обитало три племени, в земле радимичей наблюдается восемь локальных групп археологических памятников, у вятичей — шесть, у дреговичей — две группы, у западных кривичей — три.

⁷ Б. А. Рыбаков. 1) Исторический взгляд на русские былины. История СССР, 1961, № 6, стр. 87; 2) Древняя Русь. М., 1963, стр. 12—38.

⁸ Г. Ф. Соловьева. 1) Славянские племенные союзы по археологическим данным. Автореферат канд. дисс., М., 1953; 2) Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне). Сов. археология, XXV, 1956.

Кстати, отметим, что такой ценный источник, как Географ (Землеписец) Баварский (843—870 гг.), писавший гораздо раньше летописцев на Руси, на территории Восточной Европы помещает больше славянских племен, чем Повесть временных лет.⁹

Далеко не все племена Повести временных лет носят действительно племенные названия (дулебы, радимичи, вятичи). Такие названия, как полочане, бужапе, древляне, дреговичи, поляне, являются территориальными, а аналогичными более поздним — двиняне, поморы, сибиряки, верховинцы. Хорошо известно, что тип местности обуславливал наименование ее населения.

Иордан еще в VI в. писал, что названия венедов меняются в зависимости не только от различных «племен», но и «местности».¹⁰ Поэтому вряд ли следует обязательно отрицать попытку летописца связать древлян с лесом («зانه седопа в лесех»), дреговичей — с болотистой местностью («дрегва»), полян — с «полем» («занеже в поле седоух»). Итак, племена Повести временных лет — сложные этнические и территориальные образования.

Летопись рассказывает о тех временах, когда еще не было единого Древнерусского государства, когда Киев не стал «матри градом русьским», когда племенная, полунатриархальная-полуфеодалная знать правила в своей земле, в своем «племени». Так, «живяху кождо с родом», с племенем своим, управляли племенные князья, «всякое князье» «русские земли», «светлые и великие князья», упоминаемые еще в договорах Руси с Византией в X в. Летописец вспоминает о тех временах, когда существовало самостоятельное «княжение» «в полях» (земле полян), «а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане».¹¹

Племенные княжения предшествовали Древнерусскому государству, кое-где они сохранились и позднее, во времена образования и расцвета Древнерусского государства.

Повесть временных лет упоминает о князьях в земле древлян, о возглавлявшем «Дерева» во времена Игоря и Ольги, в середине X в., древлянском племенном князе Мале, о Ходоте и его сыне, стоявших во главе племенного объединения вятичей еще в XI в. Летописи сохранили память о новгородском «старейшине» Гостомысле, деятельность которого падает примерно на середину IX в. Признание Гостомысла плодом легенды имеет

⁹ П. И. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. III. М., 1848, прил. XIX, стр. 68—74.

¹⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 71—72.

¹¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 13.

не больше основания, чем противоположное мнение.¹² Видимо, к очень глубокой древности восходит то объединение восточных славян, которое, по свидетельству Масуди, возглавляли «великаны», племя, «көому повиновались в древности все прочие славянские племена». Оно было одним «из коренных племен славянских». Масуди писал в X в., и трудно сказать, что для него было «древностью», но вряд ли мы ошибемся, если, продолжая и развивая мысль В. О. Ключевского и Б. Д. Грекова, в этом племенном союзе волянич будем усматривать объединение, возглавляемое дулебами, теми самыми дулебами, которые боролись с аvaraми, обрами педатированной части Повести временных лет. Тогда племенной союз дулебов-волянич придется отнести ко временам антов и посчитать его современником государства Само. Последние раскопки на Воляни подтверждают глубокую древность славян на данной территории и версию Масуди о воляничях — «коренном племени славянском».¹³

Племенные княжения были зародышевой формой государственности в полунатриархальной-полуфеодальной Руси в тот период ее истории, когда основная масса сельского населения не утратила еще своей общинной собственности и не стала зависимой от феодала.

Обращает на себя внимание тот факт, что скандинавские саги, говорящие о событиях в Гардарике (Руси) и в какой-то части основанные на рассказах викингов—варягов, служивших в Гардарике конунгам Хольмгарда (Новгорода) и Кенугарда (Эймундова сага, Фагрскинна), повествуют о бондах (bond), а бондами в Скандинавии называли свободных людей, глав семей, домохозяев,¹⁴ которые жили на северо-западе Руси и составляли большую часть населения.

Так, Фагрскинна рассказывает о том, как в 997 г. эрл Эрик, сын Хакона, овладел поселением и сжег деревянные укрепления Альдейгьборга (Ладоги), а окрестные бонды вынуждены были скрываться в лесах.¹⁵

Эймундова сага повествует, как Ярослав набрал «большую

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 164, 471.

¹³ А. Я. Гаркави. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 137—138. В. Д. Баран. Археологічні пам'ятки VI—VII ст. на території Західної Волині — важливо джерело до вивчення літописних дулібів. Укр. істор. журнал, 1969, № 4. У нас нет основания согласиться с В. Д. Королюком, связывающим дулебов Повести временных лет с паннонскими дулебами (В. Д. Королюк. Авары (обры) и дулебы русской летописи. Археограф. ежегодник за 1962 г., М., 1963).

¹⁴ А. Я. Гуревич. Походы викингов. М., 1966, стр. 17.

¹⁵ Е. А. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. КСИИМК, XI, 1945, стр. 53—55.

рать из вольных поселян» — бондов, обеспечивших ему победу в борьбе со Святополком.¹⁶

Новгородская первая летопись сообщает о том, как, разбив Святополка, Ярослав «нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а повгородъчам по 10 всем, и отпусти я домовь вся».¹⁷

Совершенно очевидно, что упоминаемые в сагах бонды северо-запада Гардарики, Хольмгарда и Альдейгьборга идентичны смердам Новгородской первой летописи. Жившие подолгу на Руси варяги хорошо представляли положение основной массы населения и для ее обозначения искали аналогии у себя в Скандинавии. Вряд ли они могли допустить сколько-нибудь существенную ошибку. Так было на грани X и XI вв. Тем более подобные социальные отношения характерны для времени племенных княжений.

Развитие государственной организации, как и развитие феодальных отношений, не шло на Руси равномерно, повсеместно одинаковыми темпами, поэтому кое-где сохранились племенные княжения и племенные центры в то время, как в других местах (Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Переяславль, Ростов и др.) существовала уже чисто феодальная государственность и стояли города — ремесленные, торговые, культурные и политические центры древнерусского феодального общества, а не «грады» древлян, являвшиеся «село-градами». Отсюда их борьба между собой (киевские князья и Мал, Ходота и др.), оттеснение на задний план феодальными городами старых племенных центров, удовлетворявших требованиям окрестного населения во времена относительно слабого развития ремесла и торговли, истребление (в отдельных случаях) племенной знати киевской княжеской дружиной. Для местного населения племенная знать была олицетворением относительного благополучия, а киевские князья — поборов и тягот. Отсюда в представлении древлян их племенные князья («паши князи») «добры суть иже распасли суть Деревьску землю», а киевский князь Игорь «аки волк» их землю «восхищая и грабя».¹⁸

Племенных князей окружают «лучшие», «нарочитые мужи», «старая» или «нарочитая чадь», «нарочитые люди» — племенная знать.

Князья опираются на родо-племенную знать, порождены ею, тесно связаны с советом племенных старейшин — «лучших му-

¹⁶ А. И. Лященко. *Fundar Saga* и русские летописи. Изв. Академии наук СССР, 1926, серия VI, № 42; Русская классная библиотека, вып. XXV, стр. 31—61.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 15.

¹⁸ Повесть временных лет, ч. I, стр. 40.

жей», с вечем-сходом племени, на котором, «сѣдумана», решали все вопросы «земли».

Итак, «владеюще каждо родом своим». Племенные княжества носили различный характер. Одни из них соответствовали племенным землям (древляне, радимичи, вятичи), другие представляли собой сложные межплеменные политические объединения (воляняне) или создавались на части территории данного племени (полочане).

Так «словене свою волость имели, а кривици свою», и новые земли-волости все более и более теряли характер племенной и приобретали территориально-политический. Вместе с разложением первобытных племенных отношений шел распад племенных территорий и формировались межплеменные политические образования государственного типа. При этом следует иметь в виду, что союзы племен, как и племенные территории и племенные княжества, являлись устойчивыми категориями. Обращает на себя внимание устойчивость, более того, развитие некоторых племенных признаков в материальной культуре восточных славян Киевской Руси. Племенные особенности, в частности известная устойчивость территории племенных княжеств, ощущается и гораздо позднее: и во времена Киевской Руси, и в период феодальной раздробленности.¹⁹

Время разложения первобытнообщинных отношений, распада племенного строя и военной демократии характеризуется созданием на Руси, как и во многих других странах, особой военной организации.²⁰ Этой организацией была так называемая «десятичная» или «тысячная» организация. «Вои» древнерусских «земель» и «волостей» объединялись в «десятки», «сотни» и «тысячи», которые возглавлялись десятскими, сотскими и тысяцкими.

Свидетельством древнего происхождения «десятичной» военной организации, периода, когда войско древней Руси, вернее, ее отдельные земель, было вооруженным народом, что так характерно для эпохи военной демократии, является большое значение тысячских в Киевской Руси IX—XII вв., когда значительные события и отдельные хронологические отрезки получали наименование не по князьям, а по именам тысячских, игравших исключительную роль в политической жизни Приднепровской Руси. Особенно развита была эта система в земле полян, в собственно Руси, на территории среднего Приднепровья, где каждый город имел свою «тысячу» и сам организовывал свое войско.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. Вопросы истории, 1960, № 9, стр. 24—25.

²⁰ Ю. В. Бромлей. К вопросу о сотне, как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. В кн.: История, фольклор и искусство славянских народов. М., 1963.

«Тысячи» существовали в Киеве, Вышгороде, Белгороде, Сновске под Черниговым и т. д.

По мере «окняжения» земель и власти «тысячная» организация принимает иной характер. Тысяцкие и сотские теряют свои функции военачальников, обрастают административными, финансовыми и судебными функциями, «сотни» превращаются в административно-территориальные единицы, в организации купечества, городского (Новгород) или зависимого сельского люда (Галич, Волынь), а «тысячи» эволюционируют в сторону расширения их военных функций.

Но все это произошло позднее, в XI—XIII в., а в IX в. «тысячная» военная организация была еще сильна, входившие в ее состав воины представляли собой основную военную силу русских земель.

Следом этой поры в истории являются термины «вой», «воин», «войско», «воевода» в славянских языках, где оно означает одновременно «мужчина», «воин», «муж», а термин «воевода» означает и начальника воев, и племенного вождя.

С течением времени «тысячная» военная организация оказывается в руках группирующейся вокруг князя знати, хотя порой она еще противостоит князьям.

В племенных княжествах огромную роль играет вече. Восходит оно к эпохе расцвета родо-племенного строя, и еще во времена антов, живших в «народошравстве», «счастье и несчастье в жизни» считалось «делом общим» (Прокопий Кесарийский) и все дела решались сообща («Стратегикон»).

Начальные страницы летописи свидетельствуют, что у восточных славян в глубокой древности и в период образования Древнерусского государства все важнейшие вопросы решались на вечевых сходах. Так было задолго до начала Киевского государства, когда поляне, собравшись на вече, послали хазарам меч. На вече, «реша сами себе», якобы обратились к варягам кривичи, словене, меря, чудь, весь. Не раз собирались на вече древляне, когда Игорь «восхищая и грабя» их землю.

Огромное значение вече продолжает сохранять и позднее, на начальном этапе образования Древнерусского государства, особенно в отсутствие князя. Так было в Киеве в 968 г., когда под городом стояли обложившие его со всех сторон печенеги и после снятия осады воеводой Претичем, «сошла княне к Святославу». Нет сомнения в том, что явившиеся в 970 г. в Киев к Святославу просить себе кого-либо из его сыновей в князья «людье новгородстии» были посланы вече. Наконец, в осажденном печенегами Белгороде горожане «створища вече».²¹

Вече — один из наиболее архаичных институтов народовластия, уходящий корнями в родо-племенной строй. Но уже в пе-

²¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 16, 18, 40—42, 49, 87.

риод племенных княжений, непосредственно предшествовавших Древнерусскому государству, на вечевых сходах главную роль играют «нарочитые мужи», «лучшие мужи», «старцы», т. е. та знать, которая стоит на пороге перерастания племенной верхушки в феодальную.²²

Постепенно, по мере развития феодальных отношений, на Руси эволюционирует и вече, оказывавшееся либо на службе у князей и феодалов в виде своеобразной феодальной демократии, либо нередко являвшееся началом социального взрыва, началом восстания «простой чади», «меньших», «людей» против князя, боярства, ростовщиков. Вместе с эволюцией вече сам термин «вече» становится аморфным понятием, обозначающим совещание вообще, независимо от его социального содержания.²³

В племенных княжениях существовала какая-то система обложения населения в пользу своих племенных «нарочитых», «лучших мужей» и князей, которые хоть и «были добры» и даже «распасли» землю, но все же, очевидно, что-то собирали с соплеменников. На севере эту систему поборов одно время использовали норманны, на юге — хазары. Собирали «по беле и веверице от дыма», «по черне куне», «по щялягу от рала», «от мужа».²⁴

Существовало и обычное право, являвшееся предшественником закона — «закон отец своих и предания», сами носившие характер закона, и люди, «творящие сами себе закон».²⁵

Может быть, тогда уже закладывались основы «Закона Русского», о котором говорят договоры Руси с Византией.

Наконец, в племенных княжествах возникает новая военная организация, ставшая основой владчества князей, — дружинная организация. Термин «дружина», в древности обозначавший всякое содружество, товарищество, союз, общность, приобретает теперь и другое значение, и более специфический оттенок и начинает означать княжеских воинов и сотрудников, княжих «мужей». Дружинники окружают древнерусских «великих и светлых» князей, живут с ними под одной крышей, наполняя их горницы и разделяя все их интересы. Князь советуется с ними по вопросам войны и мира, организации походов, сбора дани, суда, административного управления. С ними вместе он принимает законы, постановления, решения. Они помогают князю управлять его домом, двором, хозяйством, разъезжают по его поручению по земле, творя суд и расправу, собирая дань, «устанавливая» землю,

²² И. П. Епифанов. О древнерусском вече. Вести. МГУ, 1963, серия 9, история, № 3.

²³ В. Т. Папуга. Общественно-политический строй Древнерусского государства. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 24—33.

²⁴ Повесть временных лет, ч. I, стр. 18, 20, 47; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 106.

²⁵ Повесть временных лет, ч. I, стр. 14, 15.

«парубая» города, созывая воинов, следя за княжеским хозяйством, за «нивами» и «уходами», «ловищами» и «перевесищами», за селами и челядью. Они же отправляются «слами» князя в другие страны, к другим правителям, «гостят» там и торгуют княжими товарами, которые он добыл как дань или в результате удачного похода в «чужую землю», заключают от его имени договоры и, снабженные княжими полномочиями, позднее оформляемыми в грамоты, ведут дипломатические переговоры.

Дружина делится на три группы. На первом месте стоит «старшая» дружина, «бояре светлые», выросшие из «лучших мужей», «старой» или «нарочитой чади». Они имеют свое хозяйство, свой двор, челядь, своих дружинников — «отроков». Они старшие, и им поручаются важнейшие функции княжеского управления. Их захоронения находят в больших курганах с мечами, саблями, украшениями, с сопроводительными погребениями жен — наложниц, рабынь. Младшая дружина («детские», «пашки», «отроки», «уные») живет при дворе князя, обслуживает его дом, двор, хозяйство, выступая в роли слуг. С ней делится князь частью своих доходов от сборов дани, судебных штрафов, частью военной добычи. Князь снабжает ее «оружием и порты», «ляжцами» и пищей, жильем и «узорочьем». Из ее среды выходят слуги князя, его телохранители, младшие должностные лица, младшие агенты княжеского управления. Эта часть княжой дружины сливается с княжим «огнищем» — двором, с «чады и домочадцы», со слугами, с челядью. Многочисленные небольшие курганы с боевыми топорами («топорцами») с оттянутым или обкповешным обухом и с другим оружием (мечами, наконечниками копий и стрел) связывают с «молодшей дружиной», с теми «лешими», «лучшими», которые, вырастая из родо-племенной верхушки, а то и просто из богатых патрициев, вервей, становятся опорой князей и вливаются в их дружины.²⁶

О «нарочитой чади», эволюционирующей в «молодшую» дружину, говорит, например, городище Хотомель на Волыни, где среди селища возвышается небольшое городище с поставленными внутри укрепления по кругу «хоромами». Это еще не боярский двор, но обилие оружия и украшений отделяет городище от селища.²⁷

И, наконец, третья группа состоит из «воев», «мужей храборствующих». Это были воины в самом широком смысле слова, набранные из народа, реликт древней поры, когда на войцу шел вооруженный народ, отстаивая свою землю или завоеывая чужую. Эти «мужи» «древних князя» собирали «многое имене» «воююще ины страны». Чем дальше в глубь времен, тем большее

²⁶ М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв. Сов. археология, 1960, № 1.

²⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, стр. 358.

значение имели «мужи храборствующие», составлявшие основной боевой контингент личных военных сил князя. Отражая собой эпоху военной демократии, когда на арене истории выступал вооруженный народ, они с течением времени — в XI—XII вв. — теряли свое значение и уступали место четко оформленным социальным, политическим группировкам, «старшей», «передней» и «молодшей» дружине. «Мужи»-воины либо входили в состав «передней» дружины, либо поглощались «молодшей», либо попадали в подчиненное положение и к тем, и к другим, снова сливаясь с народом, с городским населением, выступая в качестве «воев» городских ополчений — «полков», и между ними и князем вырастала пропасть. Но на заре Русского государства они играли большую роль и составляли едва ли не основную силу княжеских дружин. В состав княжеских дружин они попали давно, с конца VIII—начала IX в., вместе с ростом княжеской власти, усилением влияния князей, и путь их в княжескую дружину пролегал едва ли не через «тысячную» организацию. И если известная, большая часть воинов города составляла городской «полк» во главе с тысяцким, то «волость» — земля, да и сам город часть своих боевых сил должен был уступить князю, богатство, влияние и власть которого все время росли, вызывая естественную тягу среди рядовых «воев», вооруженной «простой чади» городов и «сельского людя», еще независимых, располагающих личной свободой, к князю, их стремление влиться в ряды княжих дружинников, что обещало и «оружье», и «порты», и серебряные «лжицы», богатство, почет и славу.

Это были времена летописного Яна Усмошвеца, былинных Ильи Муромца, крестьянского сына, пахаря Микулы Селяниновича, вошедшего в дружину Вольги. Памятью об этих временах и об этих «мужах», «воях» являются обычные сельские полусферические курганы с ножами и рабочими топорами, но узким и длинным топоричем, как у боевых топоров. Такого рода курганы встречаются главным образом в тех землях, где еще в XI—XII вв. было много свободного сельского люда (Северо-Запад, Новгородские земли, Ярославское Поволжье с его «Костромскими курганами»). Этот вооруженный сельский люд, именуемый летописью «смердами», а в скандинавских сагах выступающий под названием «бондов» (свободный земледelec), обеспечил победу Ярославу Мудрому.

Отмечая существование в эпоху феодализма среднего сословия между феодалами и крестьянством, К. Маркс указывал на это «*крестьянское среднее сословие*», «подняться до которого крестьянин может лишь пока продолжают завоевательная война и колонизация», а затем оно «превращается в люмпен-пролетариат аристократии».²⁸ Такого рода «крестьянским средним со-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 63.

словием» в более поздние времена являлись казаки и разные «служилые люди по прибору», «старых служб служилые люди» (пушкарки, затишники, севруки, нахотные солдаты и др.), эволюционировавшие в однодворцев, а от них *de facto* в государственных крестьян. Предшественниками казачества были бродники и берладники домонгольских времен, а еще более отдаленными социальными предками являлись те «вои», которые могли и войти в состав княжеской дружины, и стать холопами или закупками.

Племенные княжения не были еще объединены, это произойдет лишь в период образования Древнерусского государства, но и в этом своем качестве они выступают как переходная форма от союзов племен к государству, как своеобразные протогосударства восточных славян. Без учета существования такого рода формы протогосударственной жизни трудно представить себе истоки древнерусской государственности, начальный период которой отнюдь нельзя связывать только с событиями второй половины IX в. Прав был С. В. Бахрушин, когда писал: «Зачатки государственного строя... следует искать не в дружинах скандинавских искателей приключений, а в славянских племенных княжествах».²⁹

Племенные княжества еще не были государствами, по тайли в себе зародыши государства. Неясные абрисы территории и истории некоторых из этих племенных княжений выступают перед нами на страницах Повести временных лет.

²⁹ С. В. Бахрушин. Держава Рюриковичей. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 90—91.